

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-236-246>

Научная статья / Research article

Воспоминание о будущем: исторический опыт Первой мировой и Гражданской войн в советской пропаганде 1920–1930-х гг.

С.Б. Ульянова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29,
oulianova@mail.spbstu.ru

Аннотация: Рассматриваются оценки исторического опыта Первой мировой и Гражданской войн в системе советской ретроспективной пропаганды в 1920–1930-е гг., использование «полезного прошлого» для конструирования представлений о будущих войнах. Несмотря на провозглашение политики мира, советские лидеры говорили о будущей войне как о неизбежности и пытались заранее определить ее характер, используя сравнение с конфликтами недавнего прошлого. Первая мировая война представлена в советском информационном пространстве в 1920–1930-е гг., прежде всего в социально-политическом аспекте. Отталкиваясь от ее восприятия как войны империалистической, советская пропаганда подчеркивала, что будущий конфликт неизбежно приобретет характер контрреволюционной войны против СССР. Главным источником героического военного дискурса стала Гражданская война. Постепенно сложился концепт «победоносной гражданской войны», описываемый в терминах национальной войны против внешнего врага. Главной силой, противостоявшей Советской России в 1918–1920 гг., представлялась иностранная интервенция. Ожидаемая война также мыслилась по модели интервенции. В статье проанализирован агитационный механизм репрезентации данного подхода на примере кампании, посвященной двадцатой годовщине обороны Петрограда от войск Юденича в 1919 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, историческая политика, полезное прошлое, советская пропаганда, сталинизм

Благодарности и финансирование: Работа выполнена при поддержке проекта Academic Excellence Project 5–100, предложенного Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого.

Для цитирования: Ульянова С.Б. Воспоминание о будущем: исторический опыт Первой мировой и Гражданской войн в советской пропаганде 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 236–246. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-236-246>

Memories from the Future: The Historical Experience of the First World War and the Civil War in Soviet Propaganda of the 1920s and 1930s

Svetlana B. Ulyanova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29, Polytechnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russia,
oulianova@mail.spbstu.ru

Abstract: The article deals with the historical experience of the First World War and the Russian Civil War as it was brought up in Soviet propaganda of the 1920s and 1930s; topic is thus the employment of a “useful past” in the production of ideas about future wars. The present research is based on

© Ульянова С.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

a corpus of normative texts related to the assessment of the First World War and the Civil War in the late 1920s and 1930s (including periodicals, political writings, materials of the Communist Party) as well as archival documents about campaigns dedicated to the anniversaries of the First World War and the Civil War. Despite their proclaimed policy of peace, Soviet leaders spoke of a major future war as inevitable, and tried to anticipate its nature through comparison with conflicts of the recent past. In the Soviet information space of the 1920s and 1930s, the Great War was presented primarily from a socio-political perspective. Assessing the First World War as imperialist, Soviet propaganda emphasized that the future conflict would inevitably start as a counter-revolutionary war against the USSR. The Civil War became the main source of heroic military discourse, and was presented as a national war against external enemies. The future war was thereby imagined on the model of the foreign interventions of 1918–1920. The author analyzes this approach with the example of the Soviet campaign dedicated to the twentieth anniversary of the defense of Petrograd from Yudenich's troops in 1919.

Keywords: World War I, Civil War, historical politics, useful past, Soviet propaganda, Stalinism

Acknowledgements and Funding: This research work was supported by the Academic Excellence Project 5–100 proposed by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

For citation: Ulyanova, Svetlana B. “Memories from the Future: The Historical Experience of the First World War and the Civil War in Soviet Propaganda of the 1920s and 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 236–246. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-236-246>

Введение

Современная историография подчеркивает мобилизационный и милитаризированный характер советского общества конца 1920-х – 1930-х гг.¹ Наличие постоянной внешней угрозы, реальной или воображаемой, атмосфера «осажденной крепости» служили универсальным оправданием тяжелых условий жизни и эффективным инструментом для подавления сопротивления радикальным мероприятиям, реализуемым во внутренней политике.

Советское общество в 1920–1930-е гг. жило в ожидании неизбежной войны. Какой виделась эта будущая война? Какой исторический опыт взяла на вооружение власть, конструируя ее образ? Фактически в ее распоряжении были две модели – Первая мировая или Гражданская война. В нашей статье делается попытка увидеть «следы будущего в прошлом», понять, как с помощью манипуляций с исторической памятью формировались массовые представления о новой войне.

Советская пропаганда в 1920–1930-е гг. активно использовала «полезное прошлое», поставив себе на службу недавнюю историю страны. Как говорилось в первой редакционной статье «Военно-исторического журнала», военная история должна, черпая опыт прошлого, освещать дорогу в будущее². Исследователи отмечают, что составной частью советского политического проекта являлась так называемая «ретроспективная пропаганда»³. События прошлого актуализировались, приобретали не только собственно историческую ценность, но и превращались в составную часть модели сегодняшнего дня.

¹ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018; *Velikanova O.* The first stalin mass operation (1927) // *Soviet and Post Soviet Review*. 2013. № 1. P. 64–89; *Голдман В.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010; *Кондрашин В.В., Сухова О.А.* Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. № 4. С. 979–992; Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск, 2013; *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State. *Soviet Methods of Mass Mobilisation*. 1917–1929. Cambridge, 1985; *Никонова О.Ю.* Осоавиахим как инструмент сталинской социальной мобилизации (1927–1941 гг.) // *Российская история*. 2012. № 1. С. 90–104; *Брянцев М.В.* Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции // *Новейшая история России*. 2017. № 3. С. 100–114.

² За ленинско-сталинскую передовую военно-историческую науку // *Военно-исторический журнал*. 1939. № 1. С. 8.

³ *Сенявская Е.С.* Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // *Вестник МГИМО-Университета*. 2009. № 2. С. 31–37; *Бранденбергер Д.* Нацио-

«Мировая буржуазия грозит пролетариату новой войной»

«Все как один против империалистской войны, на защиту завоеваний Октября!» – с таким призывом обратился ЦК ВКП(б) к трудящимся в 1927 г., накануне десятилетнего юбилея Октябрьской революции⁴. Этот воинственный лозунг был связан с военной тревогой, благодаря которой страна оказалась в состоянии «имитации войны»⁵.

Несмотря на провозглашение политики мира, руководители партии говорили о будущей войне как о неизбежности и пытались заранее определить ее характер, используя сравнение с Первой мировой войной. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 9 августа 1927 г. заявил, что грядущая война против СССР создаст обстановку, которая будет принципиально отличаться от ситуации 1914 г. Речь теперь должна идти не о войне между империалистическими государствами, а о борьбе империализма против пролетариата, «организованного как государственная власть»⁶.

Присутствие Первой мировой войны в советском информационном пространстве в рассматриваемый период заметно в нескольких аспектах. С одной стороны, как показала О.С. Поршнева, влиятельным актором исторической политики были руководители Красной Армии, заинтересованные в изучении опыта 1914–1918 гг.⁷ Поэтому в это время издавалось много военно-исторических работ, анализирующих отдельные операции Первой мировой войны⁸. Кроме оригинальных сочинений, в СССР публиковались и работы западных авторов⁹. Примечательно, что переводные издания снабжались специальными предисловиями, в которых расставлялись «правильные» акценты, объяснялись «ошибки» буржуазных авторов в оценке Первой мировой войны.

С другой стороны, в системе советской пропаганды гораздо более востребованным оказался не собственно военный, а социально-политический опыт мировой войны. Как писал один из авторов журнала «Коммунистический Интернационал», учесть опыт первой империалистической войны – это учесть опыт революционного движения¹⁰. Данный аспект хорошо замечен уже в 1924 г., когда отмечался десятилетний юбилей начала войны¹¹.

Вообще интерес к истории Первой мировой войны заметно возрастал в юбилейные годы – 1924, 1934 и особенно 1939 гг. Причем трактовка войны от юбилея к

нал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

⁴ Правда. 1927. 26 октября.

⁵ Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 39.

⁶ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г. М., 2020. С. 296.

⁷ Поршнева О.С. «Империалистическая война» в большевистской политике памяти: институциональный аспект (1920–1930-е годы) // Новейшая история России. 2020. Т.10. № 1. С. 153–167.

⁸ Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1924; Новицкий В. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1926–1928; Корсун Н. Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915–1916 гг. М., 1938; Бородин Ф.М. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1939; Васильев Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939; Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938; Шафалович Ф. Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. М., 1938.

⁹ Ребольд Ж. Крепостная война в 1914–1918 гг. М., 1938; Вильсон Г. Линейные корабли в бою 1914–1918 гг. М., 1938; Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. М., 1935.

¹⁰ Нотович Ф. Учесть опыт первой империалистической войны // Коммунистический Интернационал. 1934. № 17. С. 42.

¹¹ Манифест Коминтерна к мировому пролетариату и тезисы к десятилетию мировой империалистической войны. Тифлис, 1924; Десятилетие мировой войны (Материалы для агитаторов). М., 1924; К десятилетию империалистической войны. Л., 1924.

юбилею менялась. Так, в 1924 г. советские пропагандисты старательно замалчивали роль России в Антанте и события на Восточном фронте и представляли войну, прежде всего, как конфликт западных держав¹². В 1934 г. акцент был сделан на классовую борьбу в воюющих странах¹³. Исторический опыт Первой мировой был признан значимым только в этом контексте.

В 1934 г. Центральные Комитеты компартий Франции, Англии, Германии и Польши обратились к трудовому народу всех стран с призывом помнить о миллионах жертв, о непомерных военных расходах, о несправедливых послевоенных мирных договорах, проводя прямые параллели между 1914 и 1934 гг.¹⁴ И все же будущая война должна была отличаться от Первой мировой: это должна была быть империалистическая, контрреволюционная война против СССР, который таким образом оказывался не на периферии, а в самом центре конфликта.

Постоянные напоминания в прессе о грядущей войне с отсылками к опыту 1914–1921 гг. вызывали у простых людей беспокойство и опасения, заставляли их искать любую информацию о положении в мире. В частности, материалы агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского обкома ВКП(б) показывают, что эти вопросы часто задавались на собраниях, лекциях и т.п. Например, при проработке партактивом области решений VII конгресса Коминтерна в 1935 г. слушатели спрашивали: «Придется ли нам воевать? Будет ли допускаться братание в будущей войне? Будем ли воевать, если Германия выступит против Франции? Какая из стран, готовящих войну, является для нас наиболее опасной?»¹⁵.

Лекции о международном положении пользовались большой популярностью. Особенно это заметно в 1939–1940 гг., когда разгорелись военные действия в Европе и на Дальнем Востоке. Так, судя по отчетным материалам отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома ВКП(б), из 112 лекций, прочитанных в сентябре 1940 г., 25 были посвящены международному положению, причем посещаемость этих лекций (в среднем 305 чел.) была выше, чем на других темах (154 чел.)¹⁶.

Лектор Разумовский в своем отчете в августе 1940 г. отмечал, что в результате «безобразной» организации на его лекцию о «Манифесте Коммунистической партии» на заводе «Дружная Горка» никто не пришел. Отсутствие рабочих и партийного актива завода организаторы объяснили так: «Лето, лес, озеро, речка...». В то же время Разумовского уверили, что, если будет лекция о международном положении, соберется около 300 чел.¹⁷

В докладной записке другого лектора, работавшего в Новгороде, Боровичах и Валдае, также подчеркивался высокий интерес к лекциям на тему: «Международное положение и внешняя политика СССР»: «Как правило всюду помещения, где устраивались лекции, были переполнены. Интерес к международной тематике настолько велик, что за 5–6 дней до устройства лекции, билеты обычно проданы»¹⁸.

Для всех пропагандистов нормативным текстом с 1938 г. служил «Краткий курс истории ВКП(б)», в VI главе которого были даны оценки Первой мировой войны, а в VIII главе много внимания уделено иностранной интервенции в годы

¹² Ульянова С.Б. Кампания борьбы против «империалистических войн» в 1924 году: задачи, проведение, результаты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 41–44.

¹³ Поль К. Опыт классовой войны в мировую войну // Коммунистический интернационал. 1934. № 16. С. 37.

¹⁴ Коммунистический Интернационал. 1934. № 20–21 С. 3.

¹⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 10. Д. 145. Л. 1–2, 52–54, 82–87.

¹⁶ Там же. Д. 492. Л. 35.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 84.

Гражданской войны¹⁹. Война 1914–1918 гг. была представлена как борьба за передел мира и сфер влияния, ее виновниками названы империалисты всех стран. Она была неудачной для России в военном и социально-экономическом отношении: «царская армия терпела поражение за поражением»; «война разрушала народное хозяйство России»²⁰.

В 1939 г., когда отмечалось 25-летие начала Первой мировой войны, на ее восприятие определяющее воздействие оказал острый международный кризис и начало военных действий в Европе²¹. Советская пропаганда перенесла исторический опыт четверть вековой давности на современную политическую ситуацию, на «вторую империалистическую войну». Это изменило и характер ожидавшегося столкновения СССР с внешним миром. Начавшаяся новая мировая война была представлена не как конфликт великих держав, преследующих свои интересы, а как готовящееся нападение фашистов-милитаристов-империалистов на миролюбивый Советский Союз. При этом отмечалось, что некоторые капиталистические страны тоже были заинтересованы в мире, мощной силой является и антифашистское народное движение. Поэтому, если агрессорам удастся спровоцировать новую мировую войну, то она примет характер народной войны против фашизма²².

Спустя всего несколько недель советской пропагандистской машине пришлось срочно перестраиваться²³. Если до заключения пакта Молотова – Риббентропа публицисты писали о «фашистских хищниках», подчеркивали особую агрессивность германского империализма как в настоящее время, так и накануне Первой мировой войны²⁴, то после 23 августа оценки вынужденно поменялись.

Нормативным пропагандистским текстом стало сообщение В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Смена ориентиров советской внешней политики привела и к переоценке Первой мировой войны в пропагандистском дискурсе. Так, в выступлении В.М. Молотова отмечалось: «История показала, что вражда и войны между нашей страной и Германией были не на пользу, а во вред нашим странам. Самыми пострадавшими из войны 1914–18 годов вышли Россия и Германия»²⁵. Главными поджигателями войны снова, как и в 1924 г., были объявлены английские и французские империалисты.

Отсылки к опыту Первой мировой войны были использованы для оправдания пакта 23 августа и Договора о дружбе и границах 28 сентября 1939 г. В качестве примера приведем стенограмму лекции, прочитанной ответственным редактором журнала «Коммунистический Интернационал» П. Виденом (Э. Фишером) на тему «Моменты борьбы рабочего класса за рубежом» 4 января 1940 г. в Ленинградском областном комитете МОПР²⁶. Докладчик начал с тезиса о том, что после заключения пакта 23 августа Германия изменила свою политику и в начавшейся войне не является агрессором. Затем, отвечая на вопросы, он заявил о невозможности новой Антанты, так как подобный союз был бы для нашей страны менее выгоден, чем договор с Германией²⁷.

¹⁹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 154–173, 215–236.

²⁰ Там же. С. 155, 166–167.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 419. Л. 33.

²² Флорин В. Силы войны и силы мира // Ленинградская правда. 1939. 1 августа.

²³ Лейбович О.Л. «Война на Западе уже началась...»: Разговоры 1939 г. в бараках, тюрьмах и очередях // Шаги. 2015. Т. 1. № 3. С. 18–19.

²⁴ К 25-летию первой мировой империалистической войны // Коммунистический Интернационал. 1939. № 7. С. 5.

²⁵ Молотов В.М. О ратификации советско-германского договора о ненападении // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 9.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 546. Л. 1–27.

²⁷ Там же. Л. 1, 21.

В целом динамика образа Первой мировой войны на протяжении 1920–1930-х гг. варьировалась в зависимости от международной обстановки и внутривосточной ситуации. Сохраняя название «империалистическая война», советская пропаганда часто использовала ленинский тезис о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Именно Гражданская война сыграла решающую роль в формировании образа будущей войны.

«Победоносная гражданская война»

В 1939 г. в СССР появилось новое издание Наркомата обороны – «Военно-исторический журнал». В редакционной статье, открывшей его первый номер, говорилось: «Враги народа всячески мешали развитию военно-исторических знаний. Они сознательно игнорировали историческое прошлое великого русского народа, стремясь предать забвению его героическую вооруженную борьбу за самостоятельное и независимое государственное существование. Они извращали опыт победоносной гражданской войны в СССР»²⁸. В этом пассаже нам интересны не ритуальные упоминания о врагах народа, а тезис о «победоносной гражданской войне».

Как подчеркивал один из видных советских военных историков 1930-х гг. Н.Г. Корсун, «победоносная гражданская война» в СССР была школой, сформировавшей оперативное искусство и тактику Красной Армии и придавшей им своеобразные черты, присущие военному искусству победившего пролетариата²⁹. Именно Гражданская война стала главным источником героического военного дискурса, отодвинув Первую мировую на задний план.

Формирование образа Гражданской войны осуществлялось не только прямыми пропагандистскими кампаниями, но и средствами искусства. В советской литературе уже к началу 1930-х гг. сложился костяк писателей, выбравших ее своей главной темой – Вс. Вишневский, Д. Фурманов, Б. Лавренев и др. В середине 1930-х гг. на экраны страны вышли художественные фильмы о героях Гражданской войны – Чапаеве, Щорсе, Пархоменко. Гражданская война обросла обширной научно-популярной библиографией³⁰.

В советской публицистике рассматриваемого периода описание гражданской войны насыщено лексикой войны национальной: «Трудящиеся Советской республики, поднявшиеся под руководством партии Ленина – Сталина на *отечественную войну* (здесь и далее курсив наш. – С.У.) против белогвардейских банд и иностранных интервентов, одержали в 1918 г. ряд решающих побед. Трехсоттысячная *оккупационная армия*, с помощью которой *германский империализм* хотел уничтожить советскую власть и *превратить Украину в свою колонию*, была разбита»³¹. В результате в сознании людей произошло смешение образов мировой и гражданской войн.

С чем связано приоритетное внимание советской пропаганды к Гражданской войне? Во-первых, объективно для России эта война была большей трагедией, чем Первая мировая. Во-вторых, большевики не могли назвать себя победителями в империалистической войне, в отличие от гражданской.

Можно также предположить, что внимание к событиям Гражданской войны способствовало еще большему возвеличиванию И.В. Сталина, претендовавшего на славу гениального военного руководителя, организатора самых важных побед Красной

²⁸ За ленинско-сталинскую передовую военно-историческую науку // Военно-исторический журнал. 1939. № 1. С. 3.

²⁹ Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн // Военно-исторический журнал. 1939. № 1. С. 25.

³⁰ Ананьев К.В. В боях за Перекоп. М., 1938; Датюк Н. Штурм Перекопа. М., 1939; Гуковский А.И. Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939.

³¹ Боголюбов А. Разгром Колчака // Военно-исторический журнал. 1939. № 1. С. 9.

армии. В героизации Гражданской войны были заинтересованы и руководители РККА 1930-х гг., выдвинувшиеся именно в этот период. Для них военный опыт 1918–1921 гг. был лично значимым.

Конструируя образ будущей войны на основе мифологизированного исторического опыта, нужно было поместить в него внешнего врага. Гражданская война не предусматривает такого противника, на борьбу с которым можно было бы сплотить весь народ. Именно поэтому, на наш взгляд, в дискурсе Гражданской войны в центре внимания оказывается не борьба с белым движением и иными внутренними противниками большевиков, а иностранная интервенция.

«Краткий курс истории ВКП(б)» отчеканил формулировку: в 1918 г. началась иностранная военная интервенция против Советской власти, поддержанная контрреволюционными мятежами ее врагов внутри России³². Эту тему подхватили пропагандисты на всех уровнях, называя Гражданскую войну «священной» и «справедливейшей из войн» и сравнивая ее с освободительными войнами прошлого³³.

Таким образом, грядущая война мыслилась по модели интервенции. Но интервенция в реальности была всего лишь вмешательством, причем ограниченным, в Гражданскую войну. Поэтому в официальном советском дискурсе пришлось «подправить» картину: размах интервенции преувеличивался, а белые генералы оказывались просто подручными у западных империалистов. Их приход на советские территории был сродни иноземной оккупации³⁴.

Тесно связанные с интервентами белые как бы выводились из числа русских людей, оказывались «чужими» на родной земле³⁵. Советская пропаганда ни на минуту не допускала, что эти люди тоже любили свою родину и действовали в ее интересах.

В советском пропагандистском дискурсе был выработан концепт «контрреволюционной войны», которую западные державы вели против Советской России в 1918–1920 гг. Рассмотрим его на примере масштабной агитационно-пропагандистской кампании, посвященной двадцатилетию героической обороны Петрограда в 1919 г.

В 1939 г. в Ленинграде была создана специальная комиссия по организации празднования. Ее задача заключалась не столько в том, чтобы напомнить об одном из эпизодов гражданской войны, сколько в том, чтобы использовать этот эпизод для мобилизации масс и развития оборонной работы³⁶.

Особое обстоятельство заключалось в том, что Ленинград был пограничным городом. И это ощущение близости врага остро чувствовали его жители. Как говорил в мае 1932 г. один из участников конференции комсомольской организации завода «Красный Путиловец», «нельзя забывать того, что в случае объявления войны финский самолет летит до Ленинграда всего 7 минут»³⁷.

Кампания предусматривала выпуск целой серии агитационно-пропагандистских материалов. Ленинградские издательства планировали опубликовать брошюры «Тов. Сталин – организатор и руководитель обороны Петрограда»; «Оборона Петрограда от банд Юденича и иностранных интервентов»; «Балтийский флот – защитник красного Петрограда»; «Ленинград – неприступная крепость обороны страны». Сотрудники Ленинградского Истпарта должны были подготовить сборники доку-

³² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 216–217.

³³ Белановский В., Добржинский Л. 1 августа – Международный антивоенный день. Л., 1939. С. 8; Если родина позовет вас в бой // Ленинградская правда. 1939. 21 октября.

³⁴ Хесин С. На Юденича. М., 1939. С. 8, 49–50.

³⁵ Шефтель С. Советский патриотизм. М., 1939. С. 8.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 417. Л. 1.

³⁷ Там же. Ф. 202 к. Оп. 2. Д. 57. Л. 145; Там же. Д. 117. Л. 26 об.

ментов и материалов, воспоминаний участников обороны Петрограда, писатели – составить сборник очерков и рассказов³⁸.

В рамках кампании была организована серия популярных лекций³⁹. Их тематика («Пулковское сражение и разгром», «Как и почему победила советская страна» и т.п.) свидетельствует о подмене понятий «гражданская война» и «национальная война»⁴⁰. Фактически один из эпизодов гражданской войны предлагалось трактовать в терминах войны межгосударственной.

Как и любая массовая кампания, празднование 20-летия разгрома Юденича не обошлось без «инициативы снизу». В данном случае застрельщиками выступили рабочие завода «Красный Октябрь», которые обратились ко всем ленинградцам с предложением включиться в массовое оборонное соревнование, установив тем самым прямую связь между событиями Гражданской войны и подготовку к войне грядущей⁴¹. В ответ на этот призыв трудящиеся брали на себя обязательства усилить работу организаций ОСОАВИАХИМа, получить значок ПВХО, приобрести навыки работы в противогазе, стать ворошиловскими стрелками, парашютистами и т.п.⁴²

В ходе кампании поход Юденича на Петроград был представлен как акция Антанты. В этой связи говорилось, что «осенью 1919 года англо-французские империалисты подготовили новый вооруженный поход против молодой Советской республики»; «героическая эпопея обороны Петрограда взволновала весь мир»; «она послужила предметным доказательством непобедимости советского народа, отстаивающего свою свободу и независимость»; «эта попытка кончилась крахом, точно так же, как и все такие же попытки поработить нашу страну»⁴³.

Еще более ярко этот сюжет проиллюстрирован в художественном фильме «Разгром Юденича» (Ленфильм, 1940 г.). В одном из эпизодов главный герой – рабочий-путиловец, большевик Иванов говорит: «Английские танки идут на Петроград». Перед этим зритель видит панораму исторического центра города с памятником Петру I и слышит отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник». Все вместе создает впечатление, что на город идут иноземные захватчики, готовые его разрушить⁴⁴.

Юбилейная кампания предусматривала и целую серию праздничных мероприятий⁴⁵, которые растянулись на несколько месяцев. Среди них:

20 мая 1939 г. в Центральном парке культуры и отдыха им. С.М. Кирова (ЦПКиО) – народное гулянье, посвященное Военно-Морскому Флоту СССР;

12 июня 1939 г. – день стрелка, показ достижений массового стрелкового спорта;

18 июня 1939 г. – массовые гуляния, посвященные разгрому восстания на фортах «Красная Горка» и «Серая лошадь» в 1919 г.⁴⁶;

30 июня 1939 г. на площади Урицкого (в 1923–1944 гг. так называлась Дворцовая площадь) – парад физкультурников под лозунгом «Крепим вооруженную мощь страны Советов»;

12 июля 1939 г. – народное гулянье, посвященное 5-й годовщине образования НКВД (очевидно, включение этого праздника в план мероприятий, посвященных

³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 417. Л. 3–4.

³⁹ Там же. Л. 27–30.

⁴⁰ Там же. Д. 490. Л. 43.

⁴¹ Ленинградская правда. 1939. 11 июля.

⁴² Там же. 1939. 15 июля.

⁴³ Залеская А. Разгром второго наступления Юденича на Петроград // Ленинградская правда. 1939. 18 октября; Город навсегда советский // Ленинградская правда. 1939. 21 октября.

⁴⁴ Брыкин Н., Недоброво В. Оборона Петрограда. Л., 1939. С. 211.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 417. Л. 8–10.

⁴⁶ Елизаров М. Восстание на форте «Красная Горка» в июне 1919 г. Правда и легенды // Морской сборник. 2009. № 4. С. 69–75.

разгрому Юденича, можно объяснить особым вниманием сталинских пропагандистов к теме «пятой колонны», врагов народа и «предателей» Троцкого и Зиновьева, якобы готовившихся в 1919 году к сдаче Петрограда белым⁴⁷);

18 июля 1939 г. – народное гулянье, посвященное очередному призыву в РККА и ВМФ (призывникам напомнили, что они, говоря словами П. Тольятти, «сыны героев гражданской войны»⁴⁸);

1 августа 1939 г. – городской оборонный митинг, показ массовых оборонных видов спорта;

6 августа 1939 г. – праздник вооруженного народа в честь годовщины боев у озера Хасан;

18 августа 1939 г. – массовый народный праздник, посвященный дню авиации.

Апогеем массовых мероприятий должен был стать городской день обороны 24 октября 1939 г., посвященный «героическим победам Красной Армии и Питерского пролетариата над Юденичем у Пулковских высот».

Сваливая в одну кучу интервентов и белых, День Военно-Морского Флота и спортивный праздник, советская пропаганда не упускала из виду главное: напоминание о прошлом должно было мобилизовать людей на ударный труд и военную подготовку. В открытом письме участников обороны Красного Петрограда к ленинградским призывникам говорилось: «Советские люди постоянно помнят о своем священном долге крепить оборонную мощь любимой родины. По-стахановски работая у станков, они в то же время учатся метко стрелять из винтовки и пулемета, метать гранату, летать на самолете, водить танк»⁴⁹.

Выводы

Межвоенное советское общество являет собой пример удивительной трансформации исторической памяти о недавних событиях. В результате целенаправленных пропагандистских усилий по конструированию прошлого Гражданская война вытеснила Первую мировую и, в свою очередь, приобрела черты войны национальной. Недостаток позитивного исторического опыта противоборства Красной Армии с внешним противником был восполнен героизацией Гражданской войны.

Советская пропаганда вольно обращалась с «полезным прошлым», черпая в нем элементы идеального будущего. К концу 1930-х гг. в ней уже сложился шаблон, о каких войнах и в каком ключе нужно напоминать советским гражданам, чтобы способствовать формированию мобилизационных настроений и подготовить их к будущей войне.

В пропагандистских оценках Первой мировой войны в 1920-е – 1930-е гг. господствовал дискурс империалистической войны, столкновения «мировых хищников». Такая война не могла служить моделью для будущих конфликтов. Поэтому за образец была взята война гражданская, которой, в свою очередь, придали черты справедливой войны, в которой народ защищал свою страну от внешнего врага.

Интерес советской пропаганды к историческому опыту Первой мировой и Гражданской войн носил «волнообразный» характер, оживлялся в связи с юбилейными кампаниями, а также с изменениями в международной обстановке. При каждом повороте советской внешней и внутренней политики менялся и ракурс воспри-

⁴⁷ Priestland D. *Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power, and terror in inter-war Russia*. N.Y., 2007. P. 4.

⁴⁸ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975. С. 263.

⁴⁹ Ленинградская правда. 1939. 21 октября.

ятия прошлого. Таким образом, и Первая мировая, и Гражданская войны неоднократно «пересоздавались», формируя представления о будущей войне, неизбежность которой никем не оспаривалась.

Поступила в редакцию / Received: 16.01.2021

References

- Anan'ev, K.V. *V boyakh za Perekop*. Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Belanovskiy, V., and Dobrzhinskiy, L. *1 avgusta – Mezhdunarodnyy antivoennyy den'. K 25-letiyu Pervoy mirovoy imperialisticheskoy voyny*. Leningrad: Lensovet Publ., 1939 (in Russian).
- Bogolyubov, A. "Razгром Kolchaka." *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, no.1 (1939): 9–23 (in Russian).
- Borodin, F.M. *Mirovaya vojna 1914–1918 gg*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Brandenberger, D. *Natsional-Bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956)*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2009 (in Russian).
- Bryantsev, M.V. "The Anglo-Soviet conflict of 1927 as seen by the population of the Soviet province." *Modern History of Russia*, no. 3 (2017): 100–114 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.308>
- Brykin, N., and Nedobrovo, V. *Oborona Petrograda*. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1939 (in Russian).
- Datyuk, N. *Shturm Perekopa*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Elizarov, M. "Uprising at Fort 'Krasnaya Gorka' in June 1919 Truth and Legends." *Morskoy sbornik*, no. 4 (2009): 69–75, no. 5 (in Russian).
- Gibson, R., and Prendergast, M. *Germanskaya podvodnaya vojna 1914–1918 gg*. Moscow: Voenizdat Publ., 1935 (in Russian).
- Goldman, W. *Terror i demokratiya v epokhu Stalina. Sotsial'naya dinamika repressiy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Golubev, A.V. "Soviet society and the 'war alarms' of the 1920s." *Russian History*, no. 1 (2008): 36–58 (in Russian).
- Goncharov, G.A., Bakanov, S.A., Grishina, N.V., Pass, A.A., and Fokin, A.A. *Mobilizatsionnaya model' razvitiya rossiskogo obshchestva v XX veke*. Cheliabinsk: Entsiklopediya Publ., 2013 (in Russian).
- Gukovskiy, A.I. *Likvidatsiya Permskoy katastrofy*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Hesin, S. *Na Udenicha*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Kenez, P. *The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917–1929*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Kondrashin V.V., and Sukhova, O.A. "The collective farm system as the main resource of the mobilization economy of the USSR in the 1930s–1950s." *Modern History of Russia* 9, no. 4 (2019): 979–992. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.410> (in Russian).
- Korsun, N.G. "Nekotorye operativnye vyvody iz poslednikh voyn." *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 1 (1939): 24–37 (in Russian).
- Korsun, N.G. *Erzerumskaya operatsiya: Na Kavkazskom fronte mirovoy vojny v 1915–1916 gg*. Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Krasil'nikov, S.A. *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-h – 1930-e gg.)*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018 (in Russian).
- Kudriavtsev, I.I., *Ob'edinennyy plenium TsK i TsKK VKP(b). 29 iyulya – 9 avgusta 1927 g.: Dokumenty i materialy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2020 (in Russian).
- Leibovich, O.L. "The war in the West has already begun...": Conversations in 1939 in barracks, prisons and queues." *Steps* 1, no. 3 (2015): 14–27 (in Russian).
- Molotov, V.M. "O ratifikatsii sovetско-germanskogo dogovora o nenapadenii." *Voenno-istoricheskij zhurnal*, no. 2 (1939): 5–11 (in Russian).
- Nikonova, O.U. "Osoaviakhim as an instrument of Stalinist social mobilization (1927–1941)." *Russian History*, no. 1 (2012): 90–104 (in Russian).
- Notovich, F. "Uchest' opyt pervoi imperialisticheskoy vojny." *Kommunisticheskij Internatsional*, no. 17 (1934): 42–44 (in Russian).
- Novickiy, V.F. *Mirovaya vojna 1914–1918 gg.: Kampaniya 1914 goda v Bel'gii i Frantsii*. Moscow: Voenizdat Publ., 1926–1928 (in Russian).
- Podorozhny, N.E. *Narochskaya operatsiya v marte 1916 g. na russkom fronte mirovoy vojny*. Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).

- Pol', K. "Opyt klassovoi voyny v mirovuiu voynu." *Kommunisticheskiy internacional*, no. 16 (1934): 37–39 (in Russian).
- Porshneva, O.S. "'Imperialist War' in the Bolshevik memory policy: the institutional aspect (1920–1930)." *Modern History of Russia* 10, no. 1 (2020): 153–167 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.110>
- Priestland, D. *Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power, and terror in inter-war Russia*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007.
- Rebol'd, Zh. *Krepostnaya voyna v 1914–1918 gg.* Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Senyavskaya, E.S. "Historical memory of the First World War: features of the formation in Russia and in the West." *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2009): 31–37 (in Russian).
- Shafalovich, F. *Vstrechnyy boy 10-go armeyskogo korpusa na r. Zolotoy Lipe 26–29 avgusta 1914 g.* Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Sheftel', S. *Sovetskiy patriotizm*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Shirinya, K.K. *VII kongress Kommunisticheskogo Internatsionala i bor'ba protiv fashizma i voyny*. Moscow: Politizdat Publ., 1975 (in Russian).
- Stalin, I.V. *Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs*. Moscow: Pravda Publ., 1938 (in Russian).
- Ul'yanova, S.B. "Campaign against 'imperialist wars' in 1924: tasks, implementation, results." *Vestnik of the Kostroma State University* 21, no. 1 (2015): 41–44 (in Russian).
- Vasil'ev, N. *Transport Rossii v voyne 1914–1918 gg.* Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Velikanova, O. "The first Stalin mass operation (1927)." *Soviet and Post Soviet Review*, no. 1 (2013): 64–89 (in Russian). <https://doi.org/10.1163/18763324-04001003>
- Vil'son, G. *Lineynye korabli v boyu 1914–1918 gg.* Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Zaionchkovskiy, A. *Mirovaya voyna 1914–1918 gg.: Obshhiy strategicheskiy ocherk*. Moscow: Voenizdat Publ., 1924 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ульянова Светлана Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Svetlana B. Ulyanova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.